

18 Матвьяна Сороколетова

Безмянная звезда

Татьяна Сороколетова

Безымянная звезда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69337471

ISBN 9785006016958

Аннотация

Историческая книга, которая рассказывает о жизни знати XIX века в России. Автор рассказывает о трудностях, стоявших перед крепостными, о традициях и обычаях знати и о личных взаимоотношениях между ними. В книге описано множество перепитий и интриг, которые сопровождали жизнь аристократов того времени.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Безымянная звезда

Татьяна Сороколетова

создана с помощью нейросети www.cover.punch.ru *Обложка*

© Татьяна Сороколетова, 2023

ISBN 978-5-0060-1695-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Санкт-Петербург.

1859 год.

Размеренный цокот лошадиных копыт затих около поместья Курбатовых далеко за полночь. Возница недовольно взмахнул вожжами, и устало посмотрел на богато одетого господина. Неизвестный выбрался из кареты, и отряхнув снег с сапог, стянул перчатку и опустил руку в карман. Выудив оттуда монеты, он со звоном опустил их на ладонь кучера. Поправив объёмный воротник на плечах, он одёрнул длинную шубу, и не спеша направился к воротам поместья. Подойдя ближе, он оглянулся на экипаж, и грубо выкрикнул:

– Ну же езжай! Чего встал здесь???

Кучер взмахнул вожжами, и, опустив их на спину лошадей, тронулся вперёд. Господин стоял перед домом до тех пор, пока не перестали быть слышны колокольчики, звеневшие на лошадях. Удостоверившись, что вокруг никого, он подошёл к парадному входу и решительно постучал в добротную дубовую дверь. В окне первого этажа мелькнул отблеск свечи, и белоснежный чепчик на знакомом лице озарила улыбка. Засов заскрежетал, и распахнувшаяся дверь приветливо впустила в дом ночного гостя.

– Павел Сергеевич! – захохла крепостная девка, пятясь назад и прикрывая ладонью пламя свечи, мечущейся по сте-

нам, – Вы ли это?

– Я Ульяна, что не признала? – смеясь, ответил граф Курбатов.

– Вот же Сергей Андреевич и Софья Ильинична обрадуются!!! – восклицала она, – Вот это уж подарок будет для них на Рождество! Павел Сергеевич прибыл!

Взяв из его рук шубу, она отнесла её в комнату для переодеваний и быстро вернулась назад. Радость от встречи с хозяином, не давала ей возможности успокоить свои чувства.

– Где же Марья Александровна, голубушка наша? Когда она приедет?

– Вернётся через неделю, отпросилась в Москву к родственникам, – отвечал он, стоя перед зеркалом, и расчёсывая узкую поросль усов.

– Чаю, может быть? Или молока с пирогами? – услужливо предложила Ульяна, теребя в руках густую косу.

– Пироги с чем?

– С мясом и картошкой.

– С каких это пор в доме перестали держать пост, и едят пироги с мясом в Сочельник? – грозно спросил граф, проходя мимо растерянной кухарки.

– Так это... – проговорила она, – Данилка захотел пирожков. Я спросила у Софьи Ильиничны можно ли взять мяса и муки немного, чтоб сыночка побаловать она и разрешила. Господа сами не ели, – оправдывалась перед хозяином Ульяна. – А ведь малышу не грешно съесть два пирожка.

– Добрая у тебя хозяйка Уля, через чур уж добрая, – заметил Павел Сергеевич, и не оборачиваясь, прошёл в гостиную. Сев за стол он вытянул ноги вперёд, и жестом указал Уле на дверь в кухню. – Неси молока и пирогов, разговлюсь, наконец. Сочельник закончился, Рождество настало!

Ульяна торопливо исчезла в недрах огромной кухни и спустя несколько минут принесла на подносе блюдо с пирогами и кувшин с молоком. Граф удовлетворённо кивнул, и с наслаждением откусил кусок ароматной выпечки. Кухарка стояла рядом и молча наблюдала за графом. Выпив целый стакан молока, он удовлетворённо отодвинул от себя поднос и устался на крепостную.

– Ну рассказывай Уля, какие новости в поместье? Давно я не был дома.

– Да новостей-то особо и нет. То, что Полину Сергеевну сосватали к Демидовым, Вы наверняка знаете. Сергей Андреевич писал Вам наемдни об этом, – начала она.

– Не знал, но догадывался. Я не получал ещё письма от отца. И как она? Рада предстоящему событию? – перебил её Павел Сергеевич.

– Наверняка рада, Николай Михайлович чудесный человек.

– Откуда тебе знать какой он человек? – прищурившись, спросил граф Курбатов.

Она несколько смутилась, но всё же ответила:

– Сергей Андреевич души не чает в Полине Сергеевне,

и я уверена, что он знает за кого выдаёт свою единственную дочь.

– Хорошо, – согласно кивнул он, – Ещё, что вспомнишь?

– Софья Ильинична не на шутку увлеклась пасьянсами.

Говорят нынче в моде у светских дам уметь читать карты. Вот она и учится, гадает всем кто в дом заходит.

– Маменька наверняка знает, что это греховное дело, но да ладно сам поговорю с ней. Что отец?

– Граф недавно серьезно переболел, из Петербурга приезжал лекарь Модест Казимирович. Лечил его долго, насилу выздоровел.

– Простыл? Зима морозная выдалась в этот год.

– Да, Модест Казимирович велел следить за ним и сказал носить шерстяные чулки почти круглый год. Мы с Аннушкой уже связали ему три пары.

Павел Сергеевич заложив руки за спину, ходил из одного угла комнаты до другого, словно вымеряя площадь помещения.

– С крестьянами в деревне всё ли в порядке?

– Да, всё как и раньше. Пётр Гаврилов только бежать вознамерился, оттого и был выпорот розгами. Где это видано, чтоб беглый крепостной так опозорил семейство Курбатовых? – всплеснув руками в воздухе, спросила она.

– Что же твоя семья? Сынишка и муж?

Услышав последнее слово, Ульяна закрыла глаза ладонями и заплакала.

– Овдовела я Павел Сергеевич, – жалобно протянула она, – На Ивана моего в лесу медведь напал с месяц назад. Ушёл он в деревню с посылкой от Сергея Андреевича и не вернулся. Три дня искали и нашли в овраге. Насилу опознала я его, изголодал всего ирод. Только по вышивке на портках и узнала. Остались мы с Данилкой совсем одни!

Граф заметно расстроился от услышанного, но стараясь не подавать виду продолжил:

– Сочувствую Ульяна. Если решишься еще раз выйти за кого, не переживай добро мы дадим. У мальчишки должен быть отец.

– Спасибо барин! Спасибо Вам за милость и доброту.

Повисшая пауза, дала понять обоим, что пора расходиться по комнатам. Ульяна взяла свечу, и освещая себе дорогу, направилась в дальний конец коридора. Неслышно отворив дверь, она вошла в тёплую комнату и подошла к узкой кровати. Данила спал безмятежным сном, раскинув руки в разные стороны. Осторожно подвинув сына, она легла на край, и укутавшись шалью, потушила свечу. Приезд молодого графа вновь разбудил в ней, казалось давно забытые чувства.

Лето, 1854 год..

Поместье Курбатовых в уездном городе С.

Июль жаркой истомой разливался вдоль берега реки, оставляя после себя в воздухе, лишь треск кузнечиков и цикад. Раскидистая ива опустила низко ветви, и касаясь самой

земли, дарила чувство защиты и полного единения тем, кто искал под ней кров. Накануне Ивана Купалы парни и девушки, стекавшиеся к берегу водоёма, радостно гоготали в предвкушении весёлого праздника. Ульяна подпоясала серое платье красным кушаком, и взяв в руки мешок с бельём, отправилась на реку.

– Уля, меня- то обожди! – услышала она позади себя, – Мне тоже стирать надо, пойдём вместе?

Розовощёкая и круглолицая Аннушка бежала за ней, оставляя на земле следы от босых ног.

– Жду! – крикнула Ульяна и замедлила ход.

Запыхавшаяся Аннушка догнала её и заговорщически подмигнув, спросила:

– Пойдём сегодня через костёр прыгать? Я уже себе и веночек сплела, а ты?

– Я ещё нет.

– А если повезёт, – продолжала она, – То увидим, как зацветёт папоротник, ну или на русалок посмотрим! Может в этот раз они выплывут!?

– Каждый год ходим и ничего подобного не видим, – пробурчала Ульяна, идя по мостку.

– Потому, что ты не веришь ни во что! Живёшь в природе и совершенно не умеешь разговаривать с ней!

Ульяна молча развязала узелок, и выудив оттуда скатерть, опустила её в речку.

– Послушай Уля, – зашипела прямо над ухом Аннуш-

ка, – Помнишь, ты говорила, что опасаясь молодого графа? Как он теперь?

– Никак, – коротко ответила она.

– Да ну тебя! – в сердцах воскликнула Аннушка, и усевшись на коленки, принялась полоскать простынь, – Скрытная ты стала, и слова не спроси.

– Так и говорить нечего Аннушка! Граф в Петербурге и надеюсь, останется там надолго. Жениться он надумал на Марье Александровне Оболенской. Говорят она лучшая для него партия, надеюсь у них всё заладится как и подобает.

– Ох, Улька святая ты девка! Любишь ведь его, и миришься со своим положением.

– А что я могу поделать? Я обыкновенная крепостная. Но любить, кого бы то ни было, мне никто не сможет запретить!

Аннушка принялась молча полоскать бельё, прежде чем ответила:

– Ксения Попова вон долюбила барина своего, вот-вот должна от бремени разрешиться. Кому она нужна потом будет? Считай навек осталась одна дни свои куковать.

Ульяна старалась не слушать рассказы Аннушки, и лишь усерднее оттирала пятно на выцветшей скатерти. Закончив со стиркой, девушки отправились в обратный путь.

– Жду тебя у развилки, как только стемнеет, – напомнила Аннушка, и повернула в сторону соседнего поместья.

Ульяна согласно кивнула, и войдя в дом, поставила мешок

с бельем на скамейку. Откуда ни возьмись возникший перед ней конюх Фёдор, до смерти напугал девушку.

– Улька! – зычно прикрикнул он, – Где была?

– Бельё стирала на речке, – тихо ответила она.

– Барин искал тебя, поручение хотел дать какое-то. Иди к нему.

– Мне нужно развесить бельё! – слабо попробовала протестовать она.

– Иди-иди! Я сам вывешу, – сказал он, и ловко подхватив сырой мешок, вышел во двор.

В волнении Ульяна одёрнула подол платья и направилась на верхний этаж. Дверь в покои барина была открыта настежь. Павел Сергеевич сидел спиной к выходу и смотрел в распахнутое окно. Соловьиная трель разливалась по всему лесу, доносясь до поместья.

– Как красиво поёт соловей! – сказал он, услышав, что в комнату кто-то вошёл.

– Да, птицы удивительные создания. Поют так, что душа замирает, – ответила Ульяна.

Он развернулся к ней лицом, и поднявшись со своего места, подошёл ближе. Заметив, как щёки и уши Ульяны залились румянцем, он рассмеялся и погладил её по голове.

– Фёдор сказал, что Вы барин хотели дать мне какое-то поручение. А я на речке была, бельё стирала, – оправдывалась девушка.

– Да я так, спросить хотел... Сегодня же праздник, навер-

няка ты пойдёшь венки пускать и через костёр прыгать?

– Аннушка зовёт, но я ещё не решила идти или нет.

– После полуночи я буду ждать тебя под ивой. Этой ночью мне будет одиноко, поэтому приходи, будем вместе искать безымянную звезду!

– Какую звезду??? – удивлённо переспросила она, чувствуя, как холодеют руки, от страха предстоящей ночи.

– Безымянную, – повторил он, – Существует поверье, что в ночь летнего солнцестояния в небе загорается звезда имени, которой нет и быть не может. Тем, кто увидит яркое свечение, сулит счастье и благоденствие. Это, пожалуй, поинтереснее, чем легенда о цветущем папоротнике.

– Никогда раньше не слышала о таком поверье, – растерянно ответила Ульяна.

Павел Сергеевич самодовольно ухмыльнулся, и поправив на плечах подтяжки, сказал:

– До вечера Уля.

Весь оставшийся день, Ульяна пребывала в смятении. Отказать барину она не смела, ибо был высок риск быть прилюдно выпоротой розгами за непослушание, но то, что могло последовать после их встречи пугало её ещё больше. Семнадцати лет отроду, Ульяна была чиста и невинна как капля воды из святого источника. Год назад барыня Софья Ильинична задумала выдать её замуж за крепостного из соседнего имения. Вдовец с шестью детьми, был не против взять Ульяну замуж. Узнав о таком решении барыни, девушка бро-

силась ей в ноги и, целуя кончики туфлей, слёзно просила не отдавать её замуж за старика. В конце концов, графиня сжалась над юной девой, и помолвка была расторгнута. Граф Павел Сергеевич появлялся в имении не часто, но неизменно каждым своим визитом вносил в сердце крепостной волнения связанные с первым и сильным чувством. Старательно борясь с наваждением, Ульяна исправно ходила на службы в храм, но навсегда избавиться от его образа она так и не смогла.

Распустив волосы по плечам, и переодев платье, она взяла лукошко с набранными заранее травами и цветами, и вышла из дома. На берегу реки уже вовсю полыхали костры. Ульяна присела около смешливой Дарьи, которая давно мечтала обзавестись женихом. Ей было пятнадцать, и она считала себя почти старой.

– Уля, чего опаздываешь? Садись плести венок, скоро запускать будем. Слушай, а ты веришь, что сегодня к нам выплывут русалки? – быстро тараторила она.

– Я их никогда не видела, а верю я лишь в то, что вижу своими глазами, – отвечала Ульяна, ловко переплетая травы между собой.

– Ребята уже столб вбили и костры разгорелись не на шутку. Чудесная ночь нынче выдалась! – заметила Дарья.

Где-то вдалеке ухнула сова.

– Можно ещё до кладбища дойти и положить на могилы какой-нибудь дар, – продолжала собеседница.

– На кладбище не пойду! – серьёзно ответила Ульяна, – Я боюсь мёртвых.

– Нечего их бояться! – легкомысленно ответила девушка, – Может именно сегодня и воскреснет кто!

– Ой, Дарья ерунду говоришь! Замолчи!

– Так бывает же такое, мне маменька рассказывала, – Дарья перешла на благоговейный шёпот и опустила к уху Ульяны, – Бывает так, что и живыми хоронят. Летаргией это называется!

– Господь с тобой Дарья! – Ульяна боязливо перекрестилась, и отодвинулась от неё подальше.

Их разговор прервал окрик Ивана:

– Уля, Дарья! Идёмте в хоровод!

Светловолосый и крепкий кузнец протянул им руки и увлёк за собой. Встав в хоровод, они принялись танцевать у костра и петь старинные песни. Иван нежно сжимал руку Ульяны и изредка посматривал на неё. От смущения она заливалась румянцем и опускала глаза в землю. Тёплая летняя ночь окутала собой праздник Ивана Купалы. Десятки венков пустились вплавь по реке, а разгорячённая молодёжь продолжала языческие обряды. Ближе к полуночи, Ульяна отделилась от празднующих и поспешила в сторону, постоянно оглядываясь на удаляющийся блеск костра. Войдя на поляну, она остановилась и присмотрелась к раскидистому дереву. Оттуда послышалось шевеление, и из-под веток показалась рука графа Курбатова.

– Иди сюда! Я давно тебя жду.

Ульяна скользнула под ветви и уселась рядом с Павлом Сергеевичем.

– Пришла... – тихо проговорил он, – Я знал, что ты придёшь.

– Я не могла ослушаться Вашего приказа барин, – ответила она не глядя на него, – Покажите мне уже ту самую безмянную звезду!

– Её еще нет, или она нам просто не показывается! Что запустила венки?

– Запустила.

– Жениха тоже загадала?

– Как и полагается, загадала.

Они о чём-то ещё долго говорили. Ульяне показалось, что время, проведённое с ним наедине, длилось бесконечно. После этого свидания граф отбыл в свой полк, в поместье он не появлялся около двух месяцев. Почувствовав неладное, ранним августовским утром Ульяна добралась до соседней деревни и постучалась в незнакомый дом. Выйдя оттуда, она судорожно прижимала к груди мешочек с травами, которые ей выдала знахарка. Добравшись до поместья, она вытряхнула содержимое мешочка в очаг и навсегда позабыла об этом визите. Кузнец Иван Макарьев, крепостной князей Демидовых, не оставлял попыток добиться расположения Ульяны. Поняв, что лишь Иван сможет прикрыть её стыд, она попросила разрешения у барыни выдать её замуж. Решив утаить

от будущего мужа свой грех, Ульяна жестоко поплатилась за это. После первой ночи, Иван раскрыл её обман и буквально расвирепев, избил молодую жену. Придя в себя, он пообещал ей сохранить тайну, и в ту же ночь ушёл спать на узкую скамейку. Родившийся Данила смог лишь слегка растопить чёрствый нрав Ивана.

Граф Курбатов приезжая в поместье, неизменно заглядывал к молодой семье, и пристально рассматривал их ребенка. Улучив момент, когда Ивана не было дома, Ульяна осмелев, подошла к Павлу Сергеевичу, и едва слышно произнесла:

– Я хочу, чтобы Вы знали... Данила Ваш сын.

Граф вскинул на неё чёрные, как спелая вишня, глаза и коротко ответил:

– Я вижу. Кровь водой не сотрешь, – только и ответил он.

– Жаль, что безымянную звезду мы тогда не увидели, – невзначай сказала она.

Он равнодушно пожал плечами и ответил:

– Значит не судьба.

Глава 2

Санкт-Петербург.

Поместье Курбатовых, 1859 год.

Мороз разукрасил окна домов в немыслимые узоры. Рождественское утро неизменно дарило особую благодать душе графини Полины Сергеевны Курбатовой. Сладко потянувшись в постели, она откинула меховую перину, и радостно подбежала к окну. Подышав на него, она увидела, как оттаяло стекло и обнажило зимнюю сказку. Фёдор уже разгребал лопатой последствия ночного снегопада, а внизу слышался шум и хлопанье дверей. Полина Сергеевна наспех стянула себя чепчик и приступила к утреннему туалету.

– Павлуша, дорогой наш! – послышался снизу весёлый возглас Софьи Ильиничны, – Вот так подарок под Рождество! Почему не оповестил, что едешь? Мы бы послали на станцию Фёдора!!!

– Маменька, я решил сделать вам сюрприз и прибыл сюда под покровом ночи! – отвечал ей граф.

Поскорее закончив со сборами, Полина Сергеевна выскочила из комнаты и сбежала по ступеням в гостиную.

После счастливых приветствий и объятий, семья наконец села за праздничный стол. Граф Сергей Андреевич Курбатов по обыкновению занял место в центре, по правую руку от него сидела графиня, Полина и Павел оказались друг на-

против друга.

– Павлуша, где же ты оставил свою благоверную? Не хватает за столом лишь Марии.

– Я отвёз её в Москву, Мария заскучала по родному дому и отпросилась в гости на несколько дней.

– Когда же ты поедешь за ней? – удивлённо приподняв бровь, спросила Софья Ильинична.

– Она пришлёт письмо, когда вдоволь нагостится у уклончиво отвечал Павел Сергеевич. *tata*, —

Графиня недовольно поджала губы и принялась за трапезу.

– Как же ваши дела продвигаются? Ульяна рассказала, что Вы отец приболели, и теперь всегда носите шерстяные чулки?! – между делом спросил Павел Сергеевич.

– Вздорная девчонка! Все секреты разболтала, – беззлобно ответил граф, и рассмеялся.

Пожилой граф тепло относился к своим крепостным, в особенности к Ульяне. Её мать крепостная Курбатовых, умерла от чахотки, когда девочке было пять лет. Оставшись сиротой,мышлёная малышка быстро завоевала сердце Сергея Андреевича. После первых родов Софья Ильинична долго не могла обзавестись ещё одним ребёнком, в то время как граф Курбатов неистово мечтал о дочери. Родившаяся Полина привнесла в их дом новый смысл жизни. На смену проказничавшему Павлу, Полли напротив была кроткой и послушной, являясь образцом воспитания и благочестия.

– Да папенька так сильно заболел, что мы не на шутку перепугались, – вступила в разговор Полина, – Но благодаря Модесту Казимировичу всё обошлось. Он трясся над папенькой как над младенцем!

– Ну всё-всё Полли, хватит! – Сергей Андреевич не любил разговоры о его часто пошатывающемся здоровье.

– Что же ты Полинушка? Готовишься к свадьбе? – перевёл разговор на другую тему Павел Сергеевич.

– Да приготовления идут полным ходом, осталось меньше трёх недель и я стану княгиней Демидовой, – отвечала она.

– Замечательные новости встретили меня в родном доме! – резюмировал Павел Сергеевич, – А что же в столице? Какие светские слухи и сплетни ласкают ваши уши?

– Так всё об одном судачат, – со вздохом ответила Софья Ильинична, – Эти бессмысленные «питейные бунты» волнуют всех гораздо больше, каких-либо других событий.¹

– Сам факт того, что крестьяне опять чем-то недовольны, непременно настораживает государя императора. Уже известны случаи отправки виновных на каторгу, собственно там им и место, – продолжил Сергей Андреевич.

Павел Сергеевич покачал головой и отодвинул от себя пустое блюдо. Вошедшая в гостиную Ульяна, убрала со стола грязную посуду, и принесла на подносе дымящийся кофей-

¹ «Питейные бунты» – волнения среди крестьян в 1858—1860 гг. направленные против спаивания алкоголем населения. По существовавшей в то время практике, каждый мужчина приписывался к определённому кабаку, и должен был за год выпивать определённую норму водки, тем самым принося доход в казну.

ник. Закончив с завтраком и поблагодарив кухарку за вкусную трапезу, семья разбрелась по дому. Полина Сергеевна удобно устроилась в кресле, и взяв в руки пяльцы, приготовилась продолжить рукоделие. Софья Ильинична поднесла к глазам лорнет и вознамерилась изучать домовую книгу.

– Сергей Андреевич очень халатно относится к расходам, – заявила она, отодвигая пухлую книгу от себя, – Или он слишком щедр, или без оглядки доверяет месье Жерару!

– Что Вы маменька?! – всплеснула руками Полина, – Папенька никогда не был транжирой, наверняка у него всё под контролем!

Софья Ильинична недовольно сморщила нос, и отвернулась к заснеженному окну. Сергей Андреевич и Павел запрягали упряжку, и были всецело увлечены оживлённой беседой. Вести бухгалтерию и контролировать работу месье Жерара – всё это находилось исключительно в ведении графа. Софья Ильинична никогда не вмешивалась в его дела, но в силу своего острого ума иногда позволяла себе «поиграться» с непослушными цифрами. Выпускница Института Благородных девиц, девушка из именитой семьи, Софья Ильинична была воспитана в строгости, и соответствии со всеми канонами, которые диктовало время. Высокая и прямая как жердь, она была воплощением аристократизма. Белокожая, грациозная и мечтательная Софья была без ума влюблена в юного графа Курбатова. Связав себя узами брака с возлюбленным, она чувствовала себя запредель-

но счастливой. Жизнь складывалась удачно, и не пережив особых нервных потрясений, Софья Ильинична перешагнула отметку в сорок лет, вполне цветущей женщиной. Лишь одно огорчало её – невестка графиня Мария Александровна до сих пор не принесла в их семью потомство. Объездив пол-Европы и побывав на лечебных водах, вся семья ждала долгожданного известия, но его по-прежнему не было. Лишь иногда попадавшийся в поле её зрения крепостной мальчишка, странно волновал её душу. Живой взгляд озорных глаз Данилки и наклон головы, неумолимо напоминал ей маленького Павлушу. Скидывая с себя нахлынувшее наваждение, она тряхнула плечами и повернулась в сторону дочери. Полли невозмутимо вышивала, и была всецело увлечена рукоделием.

– Вот и закончился пост, – негромко возвестила графиня, – Стало быть, осталось меньше месяца до венчания.

– Да маменька, совсем скоро я войду в семью Демидовых, – непринуждённо ответила Полина.

История любви Полины Курбатовой и Николая Демидова была банальна до оскомины на зубах. Императорский бал для членов именитых дворянских родов, первый танец и обворожительная улыбка Николая, растопили сердце юной графини. Сергей Андреевич давно водил дружбу с князем Демидовым, и был совсем не против сговориться с ним, о свадьбе детей. В далёком детстве Полина услышала фразу, которая крепко засела в голове. Её бабушка графиня Екате-

рина Мироновна Курбатова прожила долгую и счастливую жизнь. Для маленькой Полли она была воплощением мудрости, и кладезью знаний. Екатерина Мироновна часто рассказывала внучке о своей прожитой жизни, давала советы и делилась женскими секретами. Однажды, рассказывая про свою несостоявшуюся любовь она проговорила: «Запомни Полли, клин вышибают только клином! У меня это получилось, и я не могу роптать на свою судьбу. Мой муж оказался лучшим мужчиной, окажись я замужем за другим, неизвестно как сложилась бы моя судьба». Полина невольно задумалась о словах бабушки, когда попыталась забыть события зимы 1857 года. И сейчас, когда до венчания оставалось меньше месяца, она приняла окончательное решение, повинаясь лишь зову своей души.

Санкт-Петербург.

Февраль, 1857 год.

Новая кондитерская на углу Гостиного двора пользовалась огромной популярностью среди горожан. Свежая выпечка, изящные пирожные обильно покрытые кремом и сливками, яркие подарочные упаковки и сладкий запах ванили, притягивали сладкоежек со всего города. Владелец кондитерской Карл Шульц определённо обладал секретом приготовления своих фирменных пирожных и свято хранил его рецепт. Полина Курбатова, пряча руки в муфточку, неспешно шла по Невскому проспекту в сторону Гостиного двора. Увидев впереди знакомую фигуру, она ускорила шаг

и приблизилась к подруге Матильде Гессен. Девушки дружили со времён Института, и были беззаветно преданы друг другу. Доверяя свои девичьи тайны, они могли быть уверены, что ни одна живая душа никогда не догадается о страстях, бушевавших в их душах.

– Здравствуй Матильда, очень рада тебя видеть! – сказала Полина, приближаясь к девушке.

– Полли! Радость моя, пойдём скорее! Наверняка Эльза уже выложила на прилавок новую порцию заварных завитушек! – по-детски непосредственная Матильда, радовалась каждой мелочи, будто ребёнок, впервые увидевший новую игрушку.

Окунувшись в приятное тепло помещения, разгорячённые девушки, переговариваясь в полголоса, подошли к прилавку. Дочь хозяина Эльза Шульц на своём неизменном месте обслуживала покупателя. Молодой человек стоял спиной к барышням и отсчитывал монеты тонкими, изящными пальцами. Полина засмотрелась на его руки, и мельком представила его внешность.

– Добрый день барышни, – Эльза поздоровалась с покупательницами, и одарила их широкой улыбкой. Высокая, утончённая немка была как всегда приветлива и добродушна, – Что сегодня желаете попробовать?

– Здравствуйте Эльза, нам как обычно, – ответила Матильда, заворожённо рассматривая прилавок. Полина напротив не замечала ничего вокруг, смотря лишь на загадочно-

го покупателя. Мужчина сложил деньги, и убрав их во внутренний карман, обернулся к девушкам. Перед глазами Полины потемнело, и она схватилась за прилавок. Незнакомец с первого взгляда поразил её воображение. Кудрявый светловолосый с голубыми глазами, он напомнил ей рождественского херувима с красочных открыток. Открытый взгляд его чистых глаз пленил её раз и навсегда. Мужчина улыбнулся ей так, как до него не улыбался ни один претендент на её руку и сердце. Полине показалось, что она потеряла счёт времени, застыв в одной позе.

– Барышни, рекомендую попробовать новинку! – заговорил он неожиданно низким и бархатистым голосом, – Пирожные изумительно подойдут к чашке ароматного кофе, и подарят незабываемое сочетание корицы и ванили.

– Спасибо за совет, – откуда-то издали послышался голос Матильды. В ушах Полины шумело, и она по-прежнему не могла оторвать глаз от херувима.

Мужчина откланялся и направился к выходу. Около самой двери он остановился, и обернулся. Полина ждала его прощальной улыбки, и... дождалась! Он растянул губы обнажая ямочки на щеках, и вновь склонив голову, вышел на морозную улицу. Вернувшись домой графиня Курбатова не находила себе места. Пылкая влюблённость оказалась не сиюминутной, незнакомец почти неделю не выходил из её головы, и следующая их встреча оказалась знаком судьбы.

Полина неспешно прогуливалась по проспекту, рассмат-

ривая вывески местных лавок. Фотомастерская, ателье, полицейский участок, книжная лавка... столица империи стремительно развивалась, заманивая иностранцев в свои сети. Город наводнили немцы, голландцы, поляки. Каждый из них привносил свою ноту в облик Петербурга. Книжная лавка месьё Фредерика Лепети неизменно радовала глаз стройным рядом книг в дорогих, кожаных переплётках. Полина каждый раз очаровывалась новой коллекцией стихов Альфреда де Мюссе и скупала почти все его сочинения.²

Она стояла около деревянного стеллажа и неспешно листала страницы книги в бархатном переплётке. Оригинальный язык и необыкновенный стиль изложения будоражили воображение Полины Курбатовой. Зачитавшись, она не сразу услышала фразу, обращённую к ней.

– У вас прекрасный вкус! Я давно не встречал барышень читающих Альфреда де Мюссе в оригинале.

Голос оказался до боли знакомым, и Полина застыла на месте не решаясь поднять голову. Позади неё вновь стоял тот самый херувим из кондитерской. Она смотрела на него и чувствовала, что теряет силы даже для того, чтобы произнести самую простую фразу.

– Я Вас сильно смущаю? – вновь спросил он.

– Нет, что вы?! – едва разлепив губы, ответила Полина, – Я... я просто не ожидала встретить Вас снова.

² Альфред де Мюссе – французский поэт, драматург и прозаик, один из крупнейших представителей литературы романтизма.

– Вы уже что-то выбрали здесь?

– Да, думаю, что куплю новый том господина де Мюссе.

Я коллекционирую все его труды.

– Отличный выбор! Но я зачитываюсь Стендалем и Гюго.

Уверен, Вы знакомы с их произведениями...

Полина не заметила, как они покинули книжную лавку и уже неспешно прогуливались по Невскому проспекту. Её новым знакомым оказался сын ссыльного декабриста Меншикова. Его отец Александр в далёком 1825 году оказался в числе тех несогласных, кто пришёл на Дворцовую площадь и попытался совершить государственный переворот. В отличие от других осужденных и казнённых, князю Меншикову повезло больше. Власти оценили его роль в противоправном деянии, и сослали в Тобольскую губернию без права возвращения в Петербург. С тех событий прошло более тридцати лет, но старый князь по-прежнему опасался возвращаться в родной город. Прожив половину своей жизни на чуждой земле, он привык и смирился со своей участью. Лишь его сын Демьян Меншиков неистово мечтал вернуться в родной город и предпринимал для этого любые попытки. Его короткие визиты в Петербург, по обыкновению наполняли душу щемящим восторгом и тихой радостью. Оставаясь никем не замеченным, он бродил по городу и заново привыкал к ритму жизни столицы. Демьян мечтал остаться здесь навсегда, но болезнь отца не отпускала его из Тобольска. Кроткая Анастасия Михайловна Меншикова все надежды возла-

гала на единственного сына, и каждый раз слёзно просила его не ездить в Петербург. Материнское сердце тяжело переносило разлуку, но Демьян неизменно возвращался в отчий дом, и не было праздника грандиознее, чем его приезд.

Полина зачарованно слушала рассказ Демьяна, а в мечтах витали самые смелые фантазии. Они встречались в тайне ото всех. Полина впервые влюбилась, и каждое мгновение проведённое рядом с возлюбленным, дарило ей неземное счастье.

Спустя месяц Демьян заторопился в Тобольск. Он обещал писать Полине письма, но связь по невыясненным причинам прервалась. Графиня Курбатова тщательно скрывала свою тоску, лишь по ночам она могла освободить душу от накопленных тревог и волнений. Семья казалось, не замечала перемен в настроении Полины и жизнь текла своим чередом. Пытаясь смириться с тем, что Демьян окончательно и безвозвратно ушёл из её жизни, Полина решила посетить императорский бал.

Николай Демидов-юнкер, выпускник Николаевского училища статный красавец с лихо заломленными вверх тонкими усиками, вопреки ожиданиям графа Курбатова не поразил сердце его единственной дочери. Состоявшееся позже сватовство и дальнейшие приготовления к свадьбе, усилили страх Полины совершить самую большую ошибку в своей жизни. Она сотни раз представляла, как они с Демьяном вместе пойдут к алтарю и принесут клятву Богу, ... но рядом

был лишь Николай. Далёкий, холодный и чужой.

Однажды, поздней осенью, когда первый снег окутал землю воздушным покрывалом, Полина спрятав руки в муфту вышла из особняка, и направилась в сторону набережной. Завернув за угол, она услышала своё имя произнесённое чужим шёпотом. Она остановилась и беспомощно осмотрелась по сторонам. В нише между домами стоял невысокого роста мужчина в тёплом полушубке, и переминаясь с ноги на ногу, манил её к себе.

– Вы меня зовёте? – удивлённо спросила она.

– Графиня Полина Сергеевна Курбатова? – уточнился он.

– Да, это я. Что Вам угодно?

Незнакомец подошёл ближе, и сунув руку за пазуху, второпях сунул ей в руки лист, сложенный пополам.

– Меня зовут Степан, – быстро заговорил он, – Я бывший крепостной князей Меншиковых. Демьян просил найти Вас и передать это письмо. Захотите ответить – держите связь со мной. Почта отправляется каждые три дня.

Проговорив, он быстро отошёл от графини и направился на противоположную сторону улицы. Там его ждал почтовый экипаж и пара гнедых лошадей. Полина прижалась к стене дома и с трепетом развернула послание.

« Дорогая Полина Сергеевна!

Надеюсь, Вы не забыли меня, хотя прошло немало времени. В жизни моей случились не совсем приятные события и на несколько месяцев, я был вынужден «залечь на дно».

Мой отец, князь Меншиков скончался две недели назад. Эта трагедия подкосила меня и матушку, и если я справилась, то маменька совсем плоха. Полина Сергеевна, простите за столь откровенное письмо, но я хочу сделать Вам предложение...

Полина, я прошу Вашей руки и сердца! Вы согласны стать моей женой? Вы можете ответить через Степана (ему можно доверять). Я буду ждать Вашего ответа, и если Вы меня ещё любите, так как я люблю Вас, то я стану самым счастливым человеком.

С надеждой и любовью князь Демьян Меньшиков»

Графиня несколько раз перечитала письмо жадно впиваясь в слова, которые заставляли её сердце стучать быстрее. Начиная замерзать, Полина сложило письмо вдвое, и спрятав его в укромное место, поспешила домой.

Глава 3

Санкт-Петербург, 1859 год.

Имение Курбатовых.

Ульяна старательно оттирала посуду после праздничного обеда. Данилка сидел тут же в кухне и самозабвенно играл с двумя обточенными чурками. Увлечённая работой, Ульяна не услышала, как дверь в кухню отворилась, и в проёме показался Павел Сергеевич.

– Ульяна! – громко позвал он, – Где кучер?

От неожиданности она выронила кастрюлю. Грохот раздавшийся на кухне, напугал Данилку и он тут же скривил губы в плаксивой гримасе.

– Павел Сергеевич, я не слышала как Вы вошли. Простите.

Граф сделал вид, что не услышал её оправданий, и обойдя стол, молча сел напротив малыша. Мальчик затих и принялся изучающе смотреть на него. Наклонив голову на бок, Данилка не сводил с него глаз, а потом неожиданно улыбнулся и громко засмеялся.

– Что это с ним? – серьёзно спросил граф, беря в руки протянутую малышом деревяшку.

– Наверное, он обрадовался Вашему появлению, – растерянно проговорила она, собирая с пола упавшие овощи.

– Так где же кучер? – повторил свой вопрос Павел Серге-

евич.

– Он на заднем дворе готовит экипаж. Вы собрались в путь?

– Да, я еду в Москву за Марией Александровной. Побудем здесь, а потом я отбываю на службу.

Ульяна молча кивая, продолжила свою работу. Осмелевший Данилка слез со стула, и проковылял к графу. Пыхтя, он принялся забираться к нему на колени. Неожиданное поведение мальчика удивило Павла Сергеевича. Он терпеливо ждал, когда Данила залезет на него, ощущая непривычный трепет и растекавшееся тепло по всему телу. Ульяна обернулась, и увидев эту картину, испуганно подбежала к сыну.

– Данила, нельзя! Слезь сейчас же! Как ты себя ведёшь? – она взяла малыша за руку, пытаясь снять его с Павла Сергеевича.

– Оставь! Пусть посидит, – властно сказал Павел, и слегка потрепал Данилу по волосам. Ребенок прижался к нему и положил голову на грудь.

Ульяна ошарашенно смотрела на эту картину боясь издать лишний вдох.

– Хороший мальчишка у тебя, – негромко проговорил граф, – Пусть в его жизни всё сложится наилучшим образом.

Поднявшись на ноги, Павел передал малыша Ульяне и вышел через чёрный ход. Данилка смотрел ему в след, а в уголках его глаз собирались слёзы.

Едва за графом захлопнулась дверь, Данилка разрыдал-

ся в голос. Испуганная Ульяна принялась успокаивать сына, взяв его на руки, она ходила по огромной кухне из угла в угол, что-то нащёптывая ему на ухо. За дверью слышались голоса и громкий смех. Впустив морозный воздух, внутрь ввалились двое: Агриппина кухарка Курбатовых и управляющий имением Жерар лю Пье. Агриппина крупная и высокая женщина с круглым румяным лицом, отличалась весёлым нравом и задиристым характером. Ей было около сорока лет, половину из которых она провела в доме Курбатовых. Граф Сергей Андреевич перекупил её у какого-то знакомого и отныне не мог нарадоваться на отличную стряпню и весёлый смех крепостной. Месьё Жерар так же появился в этом доме с незапамятных времён. Маленькая Ульяна всегда помнила его строгий взгляд и поджатые губы. Господин лю Пье всем своим видом старательно показывал пренебрежение к крепостным детям, но иногда к Рождеству всё-таки подкладывал им леденцы под подушки.

– Ух и наморозило нас! – громко сообщила Агриппина, снимая тяжёлую шубу. Жерар крутился возле неё помогая снять сапоги, – Аж нос нащипало Улька! Вон гляди, сейчас отвалится! – Агриппина покрутила кончик красного носа, и снова громко рассмеялась.

– Далеко ходили? – спросила Ульяна, принимаясь за неоконченное дело. Наполовину очищенная морковь одиноко лежала в миске готовясь быть отправленной в огромную кастрюлю.

– Да в кузницу спешили, и до площади дошли. Кур хороших продавали, успели прикупить парочку, – она бросила взгляд на Данилку и спросила, – А этот чего заплаканный? Напугал кто?

– Павел Сергеевич заходил в кухню, кучера искал. Вот Данилка его и испугался, – спокойно ответила Ульяна, отправляя колечки моркови в кипящий бульон.

– Павел Сергеевич у нас хороший барин, добрый! Не бойся его Данилка! Вырастешь, может быть вольную получишь, и будешь всю жизнь ему благодарен! – Агриппина присела около малыша, и состроила ему забавную мордочку.

Месьё Жерар, наконец освобожден от одежды и прошёл к столу. Теплолюбивый француз, до сих пор не мог привыкнуть к русским зимам, и каждый раз выходя на улицу, надевал на себя все вещи какие только имелись в его гардеробе.

– Агриппина, согрей чай. Ваши зимы это нечто... – он умолк вытирая усы от инея, – Это нечто жуткое. Здесь невозможно жить.

– Так и езжай в свой Париж! – грубо ответила кухарка, поднимая большой чан с водой, – Сидит тут на всем готовом и ещё смеет негодовать!

– Тише, тише, – с выразительной интонацией произнёс Жерар, – Мальчик уснул.

Прикорнувший на скамье Данилка, перевернулся на другой бок, и свесил руку вниз.

– Славный, хороший гарсон! – грассируя, произнёс лю

Пье ласково смотря на Данилку. ³

Выдающийся офицер Жерар лю Пье самозабвенно и безоговорочно верил в своего императора. Начавшееся наступление на Москву, застало его в полном обмундировании и незыблемой вере в победу наполеоновского войска. Высоко взмахнув шашкой, он прокричал призыв означающий наступление и ринулся в бой. Пушки, кони, разорвавшиеся ядра снарядов, стонущие и окровавленные люди, смешались в сознании молодого полководца. Последнее, что он запомнил это белоснежный снег, залитый его собственной кровью. Жерар лю Пье пришёл в себя спустя неделю и обнаружил, что находится в плену. С того дня потекли для него безрадостные минуты в ожидании возвращения французской армии. Но чуда, увы, не случилось, и Жерар так и оставался военнопленным до тех пор, пока русский император не объявил о помиловании. Спустя несколько лет он вернулся в Париж и не обнаружил своего дома. Элен и Люк погибли, спасаясь от вражеских войск при наступлении на город. Люк... кудрявый малыш трёх лет отроду. Единственный сын Жерара погиб в бессмысленной войне. Поняв, что он не может больше находиться на родине, Жерар вернулся в Петербург и решил начать новую жизнь. Знакомство с графом Курбатовым подарило ему эту возможность. Будучи назначенным на должность управляющего, он с упоением стал привыкать к новому укладу и окружавшим его людям. Испытывая тёп-

³ Гарсон (фр. Garson) - мальчик, юноша.

лые чувства к Агриппине, месъё лю Пле всё никак не решался признаться ей в самом сокровенном.

– У Демидовых подготовка к торжеству в самом разгаре, – громко говорила Агриппина, выкладывая на стол куриную тушу, – Ещё немного, ещё чуть-чуть и наша Полина Сергеевна войдёт в их дом. И тебе бы Улька надо замуж выйти, сколько можно во вдовах куковать? Иван то был не особо...

– Агриппина, прекрати! – оборвал её монолог месъё Жерар, – Ульяна честная вдова, у неё есть сын и теперь вся её жизнь принадлежит ему.

– Да с чего бы это? – возмутилась кухарка, – Улька хорошая девка и она снова сможет стать счастливой!

Агриппина всегда отличалась высказываниями несвойственными времени, в котором она жила. Она упорно считала, что каждый человек имеет право на счастье и полноценную семью. Несмотря на это, она каждый раз слёзно просила барыню не отдавать её замуж за очередного крепостного уверяя, что никогда не сможет никого полюбить. Дожив до своих лет, за ней крепко закрепился образ старой девы и мужененавистницы. Посвятив себя служению господам, она и не представляла для себя иной судьбы.

Слушая их разговоры, Ульяна тяжело вздыхала и старалась не думать о том, как она выглядит в глазах других. Одинокая, несчастная вдова с ребёнком-мало подходящая партия даже для крепостного конюха. Софья Ильинична без труда могла бы выдать её замуж, но она понимала, что

не стоит портить жизнь даже крепостному батраку. Покончив с овощами, Ульяна осторожно взяла сына на руки и отнесла в комнату. Уложив мальчика на соломенный тюфяк, она присела рядом, и погладив его по руке тихо запела:

Данилка посапывая, смотрел очередной безмятежный сон.

Полина Сергеевна Курбатова старательно выводила пером аккуратные буквы. Каждый раз слыша шаги около своей двери, она невольно вздрагивала и прятала заветное письмо под кипой бумаг. Едва миновала опасность, она снова осторожно доставала его и бережно разглаживая углы, вновь принималась за изложение:

«Дорогой Демьян Александрович!

Ваше неожиданное письмо взбудоражило мои чувства с невероятной до этого силой. После Вашего исчезновения, я не чаяла надежды вновь получить от Вас весточку. С нашей последней встречи я пролила немало слез, горюя и представляя себе в страшных фантазиях, что возможно Вы за немogli или попали в беду. Демьян Александрович, не побоюсь своих слов, но я хочу сказать, что люблю Вас! Люблю с того самого дня, как впервые встретила Вас в кондитерской у фрау Эльзы.

Даже в самых сокровенных мечтах, я не могла представить себе, что Господь дарует мне настоящую любовь. Я страдала вдали от Вас, продолжая любить. Шло время,

но от Вас по-прежнему не было вестей.... Тогда в Петербурге созывался бал ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, и наша семья была приглашена на него. Там я встретила Николая Демидова, он очень галантно ухаживал за мной, и глядя на это, папенька и маменька решили нас сосватать. Милый Демьян Александрович, поверьте, я ни на минуту не забывала о Вас, но не смогла послушаться родителей. Свадьба должна состояться через месяц, но сейчас, когда Вы вновь появились в моей судьбе, я готова бросить всё и быть навечно с Вами. Вы только скажите, нужна ли я Вам, и я разорву помолвку в тот же день. С любовью и нетерпением жду Вашего ответа.

Polli.»

Дописав послание, Полина быстро свернула его и упаковала в конверт. Накинув шубку она чуть ли не бегом поспешила на почтовую станцию. Степан дожидался её в назначенном месте, снова нервно переминаясь с ноги на ногу.

Тобольская губерния.

Февраль, 1859 год.

Небольшой, но добротно построенный дом, утопал под тяжестью выпавшего снега. Подъездные дороги замело ещё с прошлой ночи, и на месте аллеи теперь красовались непроходимые сугробы. Вышедший из дома молодой мужчина поправил на плечах куцую телогрейку и громко свистнул. Из-за угла, словно выросший из-под земли гриб, показался человек невысокого роста с необычайно кривыми ногами. Он

отвесил поклон хозяину и принялся проворно раскидывать снег лопатой.

– Яков, почисти только аллею. К пяти часам к татап придут гости, не хватало чтобы кто-нибудь из них свалился в сугроб.

– Слушаю-с Демьян Александрович!

– И ещё... Яков, прекрати отвешивать мне поклоны, ты не крепостной!

– Как скажете-с Демьян Александрович!

Князь Меншиков затушил сигару, и войдя в дом, принялся отряхивать сапоги от налипшего снега.

– Демьян, это ты? – из гостиной послышался приятный и мелодичный голос.

– Да маменька, это я.

– Я думала, что это Яков просится в дом. Ты дал ему монет? – в длинном коридоре появился силуэт княгини Анастасии Михайловны Меншиковой. Невысокого роста, но с неизменно прямой осанкой, она гордо несла свою аристократическую фамилию, всем своим видом давая понять, что как бы судьба её не испытывала, она не сломилась под тяжестью испытаний. Анастасия Михайловна всё ещё соблюдала траур по супругу, и чёрные платья, казалось навсегда сроднились с её образом.

Княгиня Меншикова происходила из старинного благородного рода, и как полагалось, была сосватана к князю Александру согласно всем канонам. Счастливое замужество,

и уважение при дворе делали её знатной и могущественной особой. Всё изменилось в декабре 1825 года. Тогда на Сенатской площади её супруг принял активное участие в попытке свергнуть монархию и совершить государственный переворот. Великие умы, громкие фамилии и приближённость к императору не смогли повернуть вспять этот безрасчётный поступок. Александр Михайлович с раннего детства отличался принципиальностью и твёрдостью духа. Он безмолвно сносил все невзгоды выпавшие на его долю. Ему повезло больше остальных, почти сразу он был сослан в Тобольск без права возвращения в Петербург. Разлучённый с семьёй, он три года провёл в остроге, потеряв там остатки здоровья. Анастасия Михайловна предпринимала непосильные попытки, направленные на воссоединение с супругом. Преодолев огромный путь из Петербурга в Сибирь, она была вознаграждена за свою любовь. Мало-помалу они освоились и начали привыкать к новым условиям жизни. Отбыв наказание Александр Михайлович не пожелал возвращаться в разрешённые города. Они остались в Тобольске и всю жизнь посвятили друг другу. Смерть мужа подкосила княгиню, она стала чаще запирается в своей комнате, где долго рыдала, пряча слёзы в подушку.

– Маменька, Вам не кажется, что Вы слишком много думаете о чужих людях? Я ни сколько не сомневаюсь в Вашем огромном и добром сердце, но смею заверить, что у Якова всё в порядке.

– Тогда я спокойна Демьян, – согласно кивнула она, и жестом пригласить его сесть рядом с собой, – До приезда гостей я хочу с тобой побеседовать, – Анастасия Михайловна распрямила тряпичную салфетку на своих коленях и посмотрела на сына добрым и любящим взглядом.

– Я весь внимание *taman!*

– Сегодня, когда приедут Воронцовы, я прошу тебя внимательнее присмотреться к Варваре Дмитриевне. Я очень сильно переживаю, что ты сынок до сих пор одинок. Мои страдания на этот счёт не дают мне спокойно жить, а жить мне осталось совсем недолго. Ты же видишь, что после смерти Александра Михайловича я стала сама не своя. Пожалуйста, Демьян послушайся меня и поскорее определись. Я смогу уйти спокойно, если буду знать, что ты не один. И ещё... – она выдержала длинную паузу и продолжила, – У меня к тебе есть две просьбы: первая – во что бы то ни стало, найди Захара и держитесь вместе, так вам будет проще. И второе: когда меня не станет, возвращайся в Петербург или Москву. Срок жизни в Тобольске у князя Меншикова закончился, тебе нечего делать в этой глухой Сибири. В Москве живёт твоя тётка Василиса Николаевна, обратись к ней, она тебе поможет.

Демьян внимательно слушал её, склонив голову на бок.

– Значит милая у тебя ко мне три просьбы? – спросил он, хитро улыбаясь. *tata*

– Ты всегда отменно считал шельмец! – ответила старая

княгиня, и весело потрепала его по светлым кудрявым волосам.

Звон бубенцов на шеях лошадей возвестил о приезде гостей. Демьян поднялся на ноги и широким уверенным шагом, отправился встречать барона Воронцова и его семью.

*«Под тенью ивы высоко над рекой
Сидели двое любовались зарей
Ночью бесшумной, ночью чуждой
Там двое искали путь не простой*

*Луна отчаянно светила,
Внимая свету ярких глаз
Те двое отчаянно любили,
Прощаясь снова в сотый раз*

*Огни костров и случайный свидетель
Дотошно ловивший что-то во тьме
Увидел, как двое искали на небе
Тусклый свет безымянной звезды!»*

Глава 4

Санкт-Петербург, 1859 год.

Имение Курбатовых.

Михаил Николаевич Демидов внимательно читал утреннюю прессу, в то время как в его кабинет буквально влетели Анастасия и Елена.

– Папенька, мы сейчас тебе такое расскажем...! – в один голос заголосили они.

Князь отложил газету в сторону и посмотрел на девочек поверх очков. Скрестив руки на животе, он по очереди поклонился каждой, и низким басом спросил:

– И что же вы хотите мне поведать разбойницы?

Юные барышни переглянулись, и подмигнув друг другу выпалили на одном дыхании:

– Наш Николая опять стреляться собрался. С кем не знаем, но он в очередной раз говорил о чьей-то поруганной чести, и то, что он считает своим долгом вызвать оппонента на дуэль! Папенька, у него же венчание на носу, о чём он думает?

Князь побагровел, губы его затряслись от ярости, а кулаки непроизвольно сжались.

– Не волнуйтесь дочки, не будет никакой дуэли. Я с ним поговорю. Его голова определённо занята не теми мыслями.

Разгневанный Михаил Николаевич быстрым шагом направился к двери, и повернув в коридоре налево, оказался

перед спальней старшего сына. Стукнув по дереву костяшками пальцев два раза, и не дожидаясь приветственного возгласа, вошёл внутрь. Николай Демидов стоял около зеркала, расправляя эполеты.

– Отец, что случилось? – удивлённо спросил он, поворачиваясь к князю.

– Это я хотел бы спросить тебя Николая! – сразу перешёл в наступление Михаил Николаевич, – До меня дошли слухи, что ты снова собрался ввязаться в какую-то гнусную дуэль?! Я устал вытаскивать тебя из подобных переделок, может быть пора одуматься? Венчание через несколько недель, а ты вот о чём думаешь?

Младший Демидов громко рассмеялся, и подкрутив усел, запрокинув ногу на ногу.

– Я кажется догадываюсь с какого флигеля ветер дует!!! Опять мои милые сестрички всё напутали! Я не собираюсь участвовать ни в какой дуэли Владимир Измайлов попросил меня быть его секундантом. Но я ещё не ответил ему согласием. Сейчас и впрямь, не до этих развлечений! *rara*,

Князь недоверчиво смотрел на сына, размышляя, стоит ли ему верить. Николая с детства рос залюбленным и избалованным ребенком. До появления сестёр, он был единственным центром притяжения и главным действующим лицом в этом доме. Мать, Елизавета Александровна не слушала доводов супруга и буквально боготворила сына. Когда в характере Николая стало брать верх женское воспитание, тогда

в формирование личности сына вмешался Михаил Николаевич. Наняв лучших учителей и гувернёров, мальчик получил блестящее светское образование, и позже был отправлен в Николаевское училище. Юнкер-первокурсник быстро влился в новый коллектив и принялся с упоением изучать основы военной службы.

– Я рекомендую отказаться от роли секунданта! – резко сказал князь, – И настоятельно советую навестить свою невесту. Полина Сергеевна наверняка пребывает в волнении перед венчанием.

– Хорошо именно этим я сегодня и займусь! – заверил его Николай Михайлович. *papa,*

Откровенно говоря, Николя чуть тяготился своим будущим статусом. Полина Курбатова была далеко не пределом его мечтаний, и о какой бы то ни было пылкой любви с его стороны, говорить не приходилось. Отец самостоятельно решил, что она лучшая партия для их семьи, и направился на сватовство к Курбатовым.

Граф без лишних колебаний согласился на брак, и молодых просто поставили перед фактом. Две короткие встречи на балу, не дали возможности будущим молодожёнам испытать всю гамму настоящих чувств. В сердце Полины жил другой, а мысли Николая занимала замужняя баронесса Анна-Агнес де Мюри. Их короткая интрижка могла перерасти в бурный роман, если бы не её скоропалительный переезд в Париж. В глубине души каждый из них надеялся, что этот

брак поможет им забыть предыдущую любовь.

Разыгравшаяся метель спутала планы Полины Курбатовой. Весь день она провела словно на иголках, не отходя от окна и наблюдая как Фёдор, с завидным постоянством старался очистить поместье от навалившего снега. Затянувшие с запада тучи не оставляли просвета, и надеяться на то, что стихия успокоится, не приходилось. После ужина, семья по обыкновению собралась на игру в преферанс, и лишь Полина, сославшись на мигрень, удалилась в свою комнату. Плотно заперев за собой дверь, она нырнула под кровать и вытащила оттуда небольшой тюк. Проверив ещё раз его содержимое, она вновь пересчитала сбережения, и спрятав их в корсет, легла в одежде на кровать.

Часы внизу пробили полночь, и дом погрузился в безмятежный сон. Выждав ещё с четверть часа, она неслышно поднялась с кровати, и принялась одеваться. Взяв в руки муфту и тюк с вещами, она в последний раз окинула взором комнату, и решительно вышла в коридор. Проходя мимо комнаты Жерара лю Пью, она чуть не взвизгнула от неожиданности, старый француз храпел как табун коней на выгуле. Пройдя кухню, она вышла через чёрный ход и сразу же оказалась на морозе. Присмотревшись, Полина увидела уже знакомого извозчика, и махнув ему рукой, заторопилась в сторону повозки. Кучер проворно спрыгнул с брички и поспешил ей на встречу.

– Степан скорее, – взволнованно шептала Полина, взбираясь в карету, – Нам нужно скорее отъехать отсюда!!!

– Вас никто не видел?

– Нет, но всё равно мне боязно!

– Не волнуйтесь! Сейчас доберемся до станции, дальше поменяем лошадей и поедете с другим возничим.

– Сколько предстоит ехать?

– Повезёт – управимся за месяц. Тобольск не ближний свет. У вас деньги есть?

– Конечно, взяла всё, что было! – радостно кивнула Полина.

– Это прекрасно, я попробую посадить Вас на поезд. Может быть даже получится с почтовой станции уехать. На лошадях в мороз слишком опасное приключение, так можно и лихорадку подхватить.

Полина согласно кивала, думая о предстоящей встрече с Демьяном. В эту минуту в её голове билась лишь одна мысль: «Скорее бы увидеть того, о ком болит душа и сердце!» Возможные последствия сего поступка, волновали Полину меньше всего.

Исчезновение единственной дочери, семья Курбатовых перенесла весьма болезненно. Софья Ильинична в тот же день слегла с нервным срывом, Сергей Андреевич всё больше хранил молчание и нервно пересекал комнату из угла в угол.

– Серж, как она могла? – стонала Софья Ильинична, лёжа

в кровати дочери и прижимая ко лбу холодный компресс, – Это же какой позор на нашу семью свалился??? Накануне венчания, она сбегает из-под венца и убегает куда??? К беглому декабристу, преступнику отбывающему наказание в далёкой Сибири!!! Ужас... позор! Я не переживу этого!

– Софа, успокойся! Всё утихнет, и мы разберемся с этой ситуацией! Полина – юная, влюблённая девчонка ей простибельны такие поступки!

– Ты что же защищать её вздумал? – Софья Ильинична приподнялась на локтях, и грозно посмотрела на супруга, – Нет ей оправдания! Сбежала без родительского благословления и бросила жениха! Как мы будем смотреть в глаза князю Демидову? Н-е-е-е-т, я точно этого не переживу!

Сергей Андреевич в третий раз за утро раскрыл письмо Полины, и снова перечитал его:

«Мои дорогие маменька и папенька!

Я спешу сообщить Вам важную новость, которая непременно изменит мою судьбу. Я уезжаю. Далеко, навсегда и прошу Вас не искать меня. Я отправляюсь к своему жениху, который ждёт меня в Тобольске. Вы ничего о нём не знали, эту тайну я бережно хранила в своём сердце. Мой избранник Демьян Меньшиков, сын ссыльного декабриста. Мы познакомились в Петербурге, и с той встречи я потеряла покой и сон. Если Вы спросите меня, почему я молчала и ничего не говорила Вам, я отвечу: я знала, что Вы не благословите наш союз. Слишком много предрассудков между нами.

Я хочу просить прощения у Вас и князя Демидова за свой поступок. Надеюсь, Вы простите и поймёте меня, ведь за любовь не судят! Не держите зла и обид. Люблю Вас всей душой и надеюсь на понимание!

Ваша Polli!!»

– Негодяйка! Мерзавка! Нет ей прощения! – продолжала бормотать Софья Ильинична, – Как теперь выходить в свет? На нас все будут смотреть как... как на...

– Софья! Ну-ка прекрати! Хватит твердить одно и то же! – сквозь зубы процедил граф, – Я лично объяснюсь с князем Демидовым, и будь что будет. Но проклинать Полину я тебе не позволю! Да поступок более чем позорный и опрометчивый, но если она будет счастлива, то я буду счастлив вдвойне! – на этих словах он покинул комнату, и широким шагом направился в сторону своего кабинета.

Софья Ильинична шумно вздохнула и сказала вслух:

– Всегда так! Чтобы ни натворила эта девчонка, он всегда найдёт ей оправдание.

На этих словах она откинулась на подушки, и прикрыв глаза, тихо прошептала:

– Полина... доченька моя.... Где ты сейчас???

Полина высунула руку из муфты, и тут же встретила с холодной шершавой ладонью.

– Через полчаса отправляется поезд до Москвы. Как только сойдёте на станции, найдите вокзального служащего. Его

зовут Никита, скажите, что от Степана-почтовика он найдет Вам экипаж. Дальше уже на лошадях. Дорога предстоит долгая и трудная, пусть Господь хранит Вас Полина Сергеевна. Доберетесь до Демьяна Александровича – передайте ему моё почтение и будьте счастливы!!!

Полина с благодарностью посмотрела в ясные синие глаза Степана и молча кивнув, направилась в здание вокзала. Паровозы громко пыхтя, выпускали в зимнее небо клубы белёсого дыма. Отыскав нужный путь, она уверенно направилась к своему вагону.

– Барышня, какое у вас место? – деловито осведомился работник станции.

Полина протянула ему билет и нежно улыбнувшись, спросила:

– Всё в порядке?

Исполинского роста мужчина смерил её строгим взглядом, и учтиво предложил зайти в вагон. Войдя в поезд Полину, тут же бросило в жар, и, оттянув воротник шубы, она стянула с головы платок. Отыскав своё купе, она отодвинула дверь, и поздоровавшись с попутчиками, присела на край скамьи. Молодая женщина и маленький мальчик наклонили голову в знак приветствия и занялись прерванным делом. Поезд громко возвестил об отбытии и тронулся вперёд.

– Меня зовут Авдотья Андреевна, а это мой сын Алексей, – представилась попутчица.

– Будем знакомы. Полина Сергеевна Курбатова, – улыб-

нула в ответ графиня.

– Вы в Москву к родственникам? – зачем-то спросила Авдотья Андреевна, и опустила глаза в пол. Ощущая стыд за праздное любопытство, она очевидно любила поддерживать светские беседы, исключая неловкость молчания.

– Да, пожалуй, к родственникам.

– Мы с Алёшей едем к моей тётушке. Заболела она, говорит, что скоро отойдёт в мир иной, и хочет последние дни провести в кругу родных людей.

– Маменька, а где этот иной мир? – задал вопрос Алёша, оторвавшись от деревянной лошадки.

– Никто этого не знает сынок. Это тайна открывается лишь тем, кто пересекает его границы, – весьма философским тоном заявила Авдотья Андреевна.

Алеша, удовлетворившись этим ответом отвернулся к окну, и стал дышать на запотевшее стекло. Полина сняла шубку, и расположившись рядом с Алёшей с интересом посмотрела на его игрушку. Гладкая и блестящая лошадка манила изящностью и достоверностью линий.

– Какая красивая у тебя лошадка, Алёша! – заметила Полина.

– Папенька сам вырезал её из дерева! – гордо похвалился он, и принялся рассказывать о том, какой его папенька мастер.

– Мой муж мастер по изготовлению игрушек и отменный часовщик. У нас небольшая лавка, где Василий продаёт ве-

щи, созданные своими руками, – поспешила объяснить Авдотья Андреевна.

– Так, стало быть, вы из купеческих? – восхитилась Полина.

– Купцы чаще перепродают уже купленное, а Василий сам создаёт свои шедевры, – Авдотья Андреевна будто оскорбилась этим фактом, и вслед за сыном отвернулась к окну.

Разговор более не пошёл, и оставшуюся часть пути они провели в молчании.

Морозное утро ярким солнечным светом пробралось под веки Полины. Шумный проводник стучался в каждое купе, предупреждая о прибытии на конечную станцию.

– Прибываем в Москву через четверть часа. Просьба собраться и покинуть свои места! – слышалось в коридоре.

Полина суетливо накинула шубу, и принялась ждать когда поезд громко пыхтя вползёт в здание вокзала. Всю ночь она не могла сомкнуть глаз, и лишь под утро заснула сладким сном. Она думала о маменьке и папеньке, о том, что они наверняка обнаружили её исчезновение и уже несколько раз перечитали письмо. Папенька наверняка по обыкновению хмурился, а маменька слегла с мигренью. Что думал о ней несостоявшийся супруг Николай Демидов, волновало её гораздо меньше. Перед глазами стоял лишь любимый образ Демьяна Меньшикова, и ожидание счастливого воссоединения радостно щемило её сердце.

Поезд замедлил ход, и резко дёрнувшись состав остано-

вился. Сжав в руках свой нехитрый скарб, Полина вышла в коридор. Спустившись с подножки, она растерянно осмотрелась по сторонам, отчаянно пытаясь понять, что делать дальше. Незнакомый город и суета вокруг вселили в неё страх.

– Вы Полина Курбатова? – услышала она тонкий, высокий голос.

Оглянувшись, она рассмотрела посыльного. Он неувольно напомнил ей Степана, и запоздало сообразив, что это тот самый Никита, она натянуто улыбнулась, и тихо ответила:

– Да это я, а Вы стало быть, Никита?

– Пойдёмте, Вас уже ждёт экипаж, – коротко бросив ответил он, и взяв в руки её котомку поспешил вперёд.

Полина едва поспевала за ним, не решаясь задать ни единого вопроса.

– Как Вы добрались?

– Замечательно!! Поезд тёплый и быстрый. Я и не заметила, как доехала до Москвы.

– Что там в столице? Какие новости?

– Холодно и промозгло! Святки на дворе, пора гаданий и исполнения желаний.

– Здесь Вам быстро исполнят любую мечту, лишь держи карман шире, – весело сказал Никита и, подмигнув Полине, завёл её за угол.

Снаряженная карета уже дожидалась своего пассажира. Ловкий возничий, спрыгнув с подножки, быстро взял в руки

пожитки Полины и положил в багажное отделение

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.